

Е.Н. МИТЕВА

*(Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Одесса, Украина)*

УДК 821.161.1-1(Цветаева М.)

ББК Ш33(Рос=Рус)6-8,445

АВТОРСКИЙ МИФ М. ЦВЕТАЕВОЙ О СЕРГЕЕ ЭФРОНЕ В КОНТЕКСТЕ ДОМИНАНТ РЫЦАРСКОГО КОДЕКСА

Аннотация: В статье осмысляется интертекстуальность как дополнение семантического поля концепта «рыцарство» в смысловой структуре стихотворения «Семь мечей пронзали сердце», посвященного Сергею Эфрону. Кроме того, постигается самобытность цветаевского мифа о С. Эфроне на примере данного стихотворения, написанного в 1918 году. Лирическая героиня воспевает своего возлюбленного, стремясь мифологизировать свою любовь с помощью показателей рыцарского кодекса. Феномен рыцарства в этом тексте обыгрывается, прежде всего, в истолковании темы Богородицы. Показателем трансформации традиционной рыцарской модели является осмысление поэтессой своего супружества как братства в ряде других текстов, а также как материнства в данном тексте. В статье актуализированы аллюзии, отсылающие к различным интертекстам: библейским (ипостаси Богородицы и Христа) и ибсеновским (образ Сольвейг).

Ключевые слова: интертекстуальность, концепт, рыцарство, символика, авторский миф, Сергей Эфрон, Богородица, Сольвейг.

Всесторонне внимание к концепту «рыцарство» в цветаевском ментальном универсуме требует выявления важных показателей авторского мифа поэтессы и сопутствующих решению темы в каждом конкретном стихотворении интертекстов. В этом плане наиболее показательным стихотворением, адресованным С. Эфрону, «Семь мечей пронзали сердце...» в соответствии с авторским мифом поэтессы 1910-х годов.

При обилии исследовательских позиций в теоретическом изучении концепта, наиболее показательной для данного исследования стала идея Ю. Степанова о сопоставлении понятий концепт и интертекстуальность. По мнению ученого, «интертексты – форма существования сложных культурных концептов» [Степанов 2003: 81].

На основании идеи Ю. Степанова можно выдвинуть рабочую гипотезу о важности интертекстуальных отсылок как одного из слоёв семантического поля концепта.

Помимо наработок классиков научной концептологии приоритетными для данного исследования являются позиции двух ученых Одесского университета. Точка зрения Н. Сподарец фиксирует специфику концепта как ментально-когнитивной единицы, «которая в границах словесного знака и языка предстает в своих содержательных формах образом, понятием и символом» [Сподарец 2013: 149]. Представляет интерес и утверждение С. Фокиной о том, что «... авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотношении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными» [Фокина 2013: 325]. Также представляется интересной идея С. Фокиной о диалоге концептуализации образа и интертекстуальности. По мысли исследовательницы, «опорными факторами становятся как осмысление взаимоотношений и впечатлений автора о прототипе, так и включение в поле моделируемого концепта различных интертекстуальных отсылок, аллюзий и реминисценций» [Фокина 2014: 599-600]. Подобный процесс, описанный в приводимой выше цитате, близок созданию авторского мифа, в центре которого оказывается адресат лирики, значимый как в жизни поэта, так и в его произведениях. Именно таким адресатом в цветаевском случае предстает Сергей Эфрон.

Понятие «интертекстуальность» исследовали многие ученые, но идеи, не противоречащие предложенной гипотезе о взаимосвязи концепта и интертекстуальности, находят подтверждение, прежде всего, в работах Ю. Кристевой, Н. Фатеевой, Н. Пьеге-Гро. Так Ю. Кристева предлагает «на место понятия интерсубъективности» поставить «понятие интертекстуальности» [Кристева 2000: 429]. Исследовательница Н. Пьеге-Гро высказывает мысль о том, что «интертекстуальность <...> – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [Пьеге-Гро 2008: 23]. Н. С. Фатеева утверждает, что для читателя интертекстуальность – это «установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [Фатеева 2007: 16]. Исходя из позиции Н. Пьеге-Гро,

дополненной установкой Н. Фатеевой, можно сделать следующее заключение, подтверждающее нашу гипотезу о том, что интертекстуальность дополняет семантическое поле концепта и активирует самобытность концептуализации в ментальном универсуме автора.

Стихотворение «*Семь мечей пронзали сердце*» написано 25 мая 1918 года. Этот год был тяжелым для М. Цветаевой – С. Эфрон ушел добровольцем Белого движения.

*Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое – семижды семь.*

*Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...*

*Этой песней – утешаюсь.
Если встретится – скажи.*

Такие проникновенные и пылкие строки свидетельствует о пребывании поэтессы в глубоком отчаянии. Вестей от мужа нет, и её мучает неизвестность. Но М. Цветаева не утрачивает веры, что супруг жив. Действительно, С. Эфрон также тревожится за близких и, лишённый возможности передать родным хоть какую-то весточку, всё же находит спасительную возможность сообщить о себе их общему близкому другу М. Волошину: «*Дорогие Пра и Макс, только что вернулся из Армии... Я жив и даже не ранен.... Я потерял всякую связь с Мариной и сестрами, уверен, что они меня давно похоронили, и эта уверенность не дает мне покоя... Боюсь подумать о том, как они перемучились это время...*» [Саакянц 1997: 153].

Сердце в стихотворении выступает как духовный центр и средоточие всей совокупности чувств человека. «С сердцем связывают понятия совести, доброты» [Шейнина 2001: 201]. Включение в поэтический дискурс данной гиперболы эксплицирует, насколько сильны мучения и глубоки переживания лирической героини. В этих строках возникает мотив жертвенности любящей жены, хотя в подтексте стихотворения обыгрывается и мотив неверности. Лирическая героиня тоскует по мужу, который, отправившись на фронт, жертвует собой, что соотносимо с реальной ситуацией разлуки супругов из-за ухода С. Эфрона на фронт с Белым движением. Именно

страдание лирической героини способствует стремлению к неразрывности, единению.

Свою тоску и даже, возможно, чувство вины перед мужем поэта мифологизирует через призму апокрифа о Богородице. В определенном смысле М. Цветаева создаёт свой апокриф. Так, лирическая героиня в игровом ключе отождествляет себя с Богородицей, ощущает пламенное материнство по отношению к своему мужу, которому придаются черты Эфрона. Следует вспомнить легенду о Деве Марии, пронзенной семью мечами, в момент нахождения на Голгофе: «Её грудь пронзают семь мечей, символизирующие семь её скорбей» [Апокрифы Древней Руси 2002: 156]. Семь мечей, пронзающие сердце Богородицы, символизируют семь смертных грехов и всю полноту страданий, перенесённых Богородицей за страсти Сына на кресте. Помимо того, существует икона Божьей Матери под названием «Семистрельная». Отсюда возникает мотив Богородицы, и обыгрывание данной темы становится новым витком в цветаевском концепте «рыцарство». Известно, что культ Прекрасной Дамы в культуре возник именно из поклонения Деве Марии: «В церкви рыцарь преклонял колено перед образом Богоматери» [Рух 2007: 32]. Во имя Богородицы рыцари слагали стихи, расточали похвалы, произносили слова молитвы. Впоследствии такое отношение к Деве Марии трансформируется в возвышение обыкновенной, земной женщины, хотя и сопричастной к высокому сословию и в то же время, согласно рыцарской мифологии, обладающей духовным совершенством.

В цветаевском стихотворении лирическая героиня не просто сравнивает свои страдания со страданиями Девы Марии, а ставит свою любовь выше:

Семь мечей пронзили сердце,

А мое – семижды семь.

«Меч» – символ мужества и отваги, важный атрибут рыцарства – задаёт также тему казни и разъединенности. Меч как главный рыцарский атрибут не только для цветаевского сознания, но и для мировой культуры помогает осмыслить концепт «рыцарство» в цветаевском универсуме.

Показательно, что Марина Цветаева прямо не посвящает стихотворение С. Эфрону. Возможно, стратегия умалчивания должна возвысить скрытого адресата, являя, таким образом, его избранность, безупречность, даже святость, согласно цветаевскому мифу. Кроме того, отсутствие посвящения или прямого обращения к адресату

активизирует коды покаяния и сокровенности чувства. Интересно, что жертвенность и стремление к неразрывности выступают элементами рыцарства в авторском мифе поэтессы.

В стихотворении упоминается число семь, имеющее магическую и сакральную семантику, что актуализируется поэтессой. Как известно, семь – «число, символизирующее совершенство» [Флори 2006: 315].

Несмотря на обыгрывание греховности и покаяния цветаевская лирическая героиня сильна духом, она искренне надеется, что её возлюбленный жив, и всем сердцем жаждет встречи. Этот аспект лирического сюжета позволяет выявить в образе лирической героини скрытую отсылку к образу Сольвейг.

Сольвейг – воплощение верности, постоянства и надёжности. Переключка с психотипом цветаевской героини неслучайна, поскольку Сольвейг можно назвать «небесной матерью» Пер Гюнта, благодаря чему он остался самим собой, с «печатью божьей на челе своём». Авторский миф М. Цветаевой, касающийся ее отношений с С. Эфроном, подчеркивает материнское начало, реализуемое в служении и воспевании лирической героиней рыцаря. Эта позиция предполагает варьирование гендерных ролей. При этом цветаевская лирическая героиня, как и Сольвейг, олицетворяют одновременно женское и мужское начала, по-матерински оберегая и служа своему возлюбленному.

Называя стихотворение песней, поэтесса приближает его к молитве, акцентируя суггестивный и перформативный уровень лирического дискурса.

Этой песней – утешаюсь.

Если встретится – скажи.

Феномен рыцарства в данном стихотворении обыгрывается подспудно в интерпретации темы Девы Марии и преклонения пред ней. Лирическая героиня ставит свои чувства выше чувств Богородицы. Согласно культурной модели рыцарства, истинное чувство не возможно без определенного условия, ведь «без томления не бывает любви» [Руа 2007: 293]. Более того, для любви должны существовать преграды. Лирический сюжет цветаевсеого стихотворения соотнесен с доминантами рыцарского кодекса. Жена страдает, её сердце изнывает от беспокойства о муже, который добровольно ушёл на фронт. Он словно рыцарь, отправившийся в крестовый поход, а его возлюбленная не знает покоя, томится в мучительном ожидании. Характерно, что лирическая героиня и ее

возлюбленный синонимичны поэтессе и ее супругу. То, что *«Цветаева никогда не усомнилась в его <Сергея Эфрона> благородстве, рыцарстве и исключительной порядочности»* [Швейцер 1992: 655], становится главной доминантой лирического сюжета.

На основании работ Й. Хейзинга, П. Зюмтора, Ж. Руа, Ж. Флори определены такие доминанты рыцарства как культурной модели: храбрость, мужество, отвага, скромность, благородство души.

В культуре *«любовь (куртуазная) во всех своих проявлениях, включая и чувственные, понимается отныне как нечто облагораживающее, а не как пагубная для души страсть, от которой, по традиционному учению церкви, нужно бежать как от чумы. Она должна быть принята как дар, если любовь эта истинна, искренна, бескорытна»* [Руа 2007: 293]. Приоритет в тематике цветаевского стихотворения отдается не губительной страсти, а благородному, альтруистическому и неподдельному чувству.

Анализируемое цветаевское стихотворение свидетельствует о самобытной трансформации концепта «рыцарство». Своеобразие цветаевского концепта «рыцарство» в контексте авторского мифа поэтессы в данном тексте определяет феномен не братства, как в ряде других текстов, обращенных к С. Эфрону, а материнства. Если куртуазная любовь «есть чувство благородное. Только дама достойна любви, и только рыцарь способен ее любить...» [Флори 2006: 294], то в цветаевском мифе любовь и страдания лирической героини уравнивают ее с Богородицей. Деяния рыцаря согласно средневековой модели сопровождаются именем Бога. В этом плане показательны ипостаси Богородицы и Иисуса Христа, модифицирующие цветаевский концепт «рыцарство». Лирическая героиня, соотносимая с личностью самой М. Цветаевой, в этом стихотворении снова воспекает своего возлюбленного, стараясь доказать вопреки всему свою самоотверженную любовь, которая оказывается выше куртуазной любви.

Трансформация М. Цветаевой традиционной модели рыцарского кодекса сопряжена со стремлением моделирования авторского мифа. При этом поэтесса сохраняет ряд импонирующих ей доминант, определивших представление о рыцарстве. Показательно обыгрывание в цветаевском мифе личности Сергея Эфрона и адресованности ему конкретных поэтических текстов. Можно утверждать, что концепт «рыцарство» в ментальном универсуме М. Цветаевой, прежде всего, соотносится с авторским мифом поэтессы о Сергее Эфроне. Хотя могут встречаться и случаи отхода от этого принципа. Также концепта

«рыцарство» в каждом цветаевском решении в рамках каждого конкретного лирического послания коррелирует с рядом литературных аллюзий. Так в стихотворении «Семь мечей пронзали сердце...» были актуализированы библейские, апокрифические и ибсеновские интертексты.

ЛИТЕРАТУРА

Апокрифы Древней Руси / [сост. предисл. М. Рождественской]. – СПб. : Амфора, 2002.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп; [пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова]. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М. : ЛКИ, 2008.

Руа Ж.Ж. История рыцарства: историческое исследование / Ж.Ж. Руа, Ж.Ф. Мишо. – М. : Эксмо, 2007.

Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А.А. Саакянц. – М. : Эллис Лак, 1997.

Сподарец Н.В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока. [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа к ист.: http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf

Степанов Ю.С. Интертекст, культурный контекст, ноосфера // Теоретико-литературные итоги XX века / [под ред. Ю.Б. Борева]. – Т. 1.: Литературное произведение и художественный процесс. – М.: Наука, 2003. – С. 80–104.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007.

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / [пер. с фр. Ф.Ф. Нестерова]. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 356 с.

Фокина С.А. Концепт «ревность» в ментальном универсуме М. Цветаевой / С.А. Фокина // Слов'янський збірник : [зб. наук. праць] / [відп. ред. д-р філол. наук., доцент О. А. Войцева]. – Вип. XVII. – Чернівці : Букрек, 2013. – С. 324–332.

Фокина С. А. Интертекстуальность как показатель концептуализации поэтического двойника Марины Басмановой в лирике И. Бродского / С.А. Фокина // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона :

[материалы конф.] / [под общ. ред. Е.А. Жуковой, И.В. Ковтуненко, Е.В. Маслаковой, О.М. Холомеенко]. – Ростов-на-Дону : ЮФУ. – С. 599–603.

Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.

Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М.: Интерпринт, 1992.

Шейнина Е.А. Энциклопедия символов / Е.А. Шейнина. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2001.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. С.А. Фокиной.